

этомъ условіи къ нимъ могутъ быть отнесены слова Христа Спасителя: „блаженни слышащїи слово Божїе и хранящїи є (Лук. 11 гл. 28).

ПИСЬМА ПАЛОМНИКА.

(Продолженіе).

ПИСЬМО СЪ ПУТИ ЧЕТВЕРТОЕ.

24 іюня. Авоунъ.

Изъ Константинополя до Аѳона мы плыли всего 34 часа. На всемъ пути была одна остановка въ Дарданелахъ на самое короткое время. Погода благоприятствовала, и не мало разнообразія, — не то, что въ Черномъ морѣ, гдѣ съ берегами разстаеться на долгое время. Здѣсь острова на виду, одинъ за другимъ; — будто плаваютъ они на обширномъ водномъ пространствѣ. Въ архипелагѣ на всемъ пути не много мы видѣли такихъ острововъ, гдѣ есть растительность и населеніе; по природѣ всѣ они (острова) одинаковы, это каменные горы и скалы разной величины. Желательно было поближе познакомиться съ такими значительными по населенію островами, какъ Имбросъ, Димносъ, да жаль — на пароходѣ никто насъ не понималъ: вся команда Экипажа и пассажиры были турки, греки и болгары отуреченные, всѣ незнающіе русскаго языка; мы чувствовали себя, какъ на далекой чужбинѣ. Тутъ было уже не до научныхъ свѣдѣній: намъ стоило большого труда достать кипятку на чай, — тѣмъ болѣе, что на здѣшнихъ пароходахъ никто, кромѣ русскихъ, не пьетъ чаю, и куба для этого не имѣется (туземцы пьютъ кофе, который варятъ на плитѣ). Въ такихъ обстоятельствахъ, дорогою цѣною купилъ бы знаніе какого нибудь восточнаго языка. Не одна любознательность, а чаще крайняя нужда требуетъ знанія разговорнаго греческаго или турецкаго языка. Пришлось весьма пожалѣть, что въ Константинополь на подворьѣ не запаслись мы болѣе употребительными фразами, нужными въ дорогѣ, на ночлегѣ, на

рынкѣ, при посѣщеніи церкви и другихъ общественныхъ учреждений, наприм. школы, больницы, На Аѳонѣ могли бы дополнить сколько нибудь свой запасъ въ памятной книжкѣ: тутъ въ средѣ русской братіи есть свободно говорящіе по-гречески и по-турецки. Надо удивляться, что въ печати нѣтъ такихъ обыденныхъ фразъ для русскихъ паломниковъ; по крайней мѣрѣ, мы не могли найти ни въ монастырскихъ книжныхъ лавкахъ, ни въ бібліотекахъ Одессы и Константинополя. Нынѣ и въ простомъ народѣ много грамотныхъ; дешевое изданіе хорошо раскупалось бы паломниками. Попадались подобныя изданія, но чтобы пользоваться ими, надо правильно читать чужой языкъ, а намъ надо фразы, напечатанные по-русски. Безъ знанія мѣстнаго нарѣчія мы были въ положеніи глухонѣмыхъ. Полятно, съ какимъ трудомъ добывали и такія скудныя свѣдѣнія, какъ, напр., называется тотъ или другой островъ, селеніе. Кое въ чемъ выручалъ насъ молодой грекъ, воспитанникъ старшаго класса духовной школы изъ Халки. Онъ указалъ намъ и Аѳонъ, когда миновали островъ Имбросъ.

— Оросъ, атіа, оросъ, говорить онъ.

— Гдѣ? Аѳонъ?

— Оросъ Аѳонъ. Тамъ мегасъ монастырь Ватопедъ, Иверъ, Пантелеимонъ. Калосъ!

Душу объяло благоговѣйнымъ трепетомъ при этихъ словахъ грека. Далеко не на землѣ, а будто на небѣ мы увидѣли одну вершину горы; она, какъ сѣдое облако на горизонтѣ, а ниже его на большое пространство плывутъ бѣлыя облака и отдѣляютъ ту вершину отъ земли. Такъ она высока, и такъ чиста морская атмосфера! Увидѣли гору часа въ четыре пополудни 16 іюня, а доплыли до нея только къ 2 часамъ утра 17-го, въ воскресенье. Русскіе отцы аѳониты переправили насъ съ парохода на главную пристань, именуемую Дафна, гдѣ карантинъ и таможня подъ турецкимъ флагомъ; отсюда съ разсвѣтомъ доставили насъ на лодкѣ въ *Пантелеимоновъ монастырь*.

Теперь мы на *Аѳонѣ* уже дней шесть. За 'это время въ одинъ край путешествовали двое сутокъ, и въ другой столько

же. Не могли, конечно, побывать во всёхъ монастыряхъ и обителяхъ, ознакомиться хорошо съ бытомъ ихъ и къ природоу самаго Аэона; да это и не было нашею задачею; съ паломники здѣсь, а не изслѣдователи, но узнали однакожъ св. гору больше того, чѣмъ знали ее прежде, по книжкамъ. Великое спасибо и книгѣ; съ нею имѣли и мы возможность ориентироваться на этой *terra incognita* и распорядиться по желанію не только днями, но даже часами. Видѣ ли мы этотъ длинный волшебный полуостровъ и съ береговъ, и съ выестъ его. Отъ Македонскаго материка онъ тянется лѣвистою и гористой полосою далеко въ глубь моря, говорить, около 80 верстъ длина его, а ширина отъ 12 до 15 верстъ. Удивительно исключительное положеніе устроили тутъ себѣ аэониты! Едва ли гдѣ можетъ быть столько удобствъ для монашества и аскетизма, какъ на Аэонѣ*). На Синайскихъ горахъ и въ дѣбряхъ Россіи вы не спрячетесь отъ міра, отъ женщинъ: богомолки и богомольцы не даютъ покоя ни затворникамъ, ни пустынникамъ, вездѣ отыскиваютъ ихъ, чтобы повѣдать свои житейскія горечи, узнать судьбу свою и попросить молитвы за себя, а на Аэонѣ есть возможность отрѣшиться отъ міра совсѣмъ и въ тиши дивной природы совершить подъемъ духа отъ земли къ небу. Тамъ не только нѣтъ женщинъ, а по возможности удаляютъ даже всѣ предметы, которые могли бы напоминать женщину, а съ нею и всю мірскую жизнь. По крайней мѣрѣ, могу положительно это сказать о русскихъ обителяхъ, съ которыми ближе познакомился;—въ нихъ нѣтъ ни козъ, ни коровъ, ни ослицы и даже куръ не водятъ. Да и въ другихъ мѣстностяхъ полуострова мы во все путешествіе не видѣли ничего подобнаго ни въ горахъ, ни въ лѣсахъ, какъ ни богаты эти лѣса дарами природы. Въ особенности удобны для монашества обители, которыя существуютъ по правиламъ *киновіи*, т. е. общежитія. Стоитъ сказать о нихъ. Здѣсь во 1) иноку нѣтъ нужды забо-

*) Теперь устрояется еще подобный Аэонъ на Черномъ морѣ у Крымскихъ береговъ, по правиламъ аэонскаго Пантелеимонова монастыря, но онъ такъ новъ, что о немъ говорить рано.

тятся о томъ, что ему ѣсть и пить, и во что одѣться. У него нѣтъ собственной, и въ тоже время онъ имѣеть все, что есть у другого брата въ обители. Значить, нѣтъ мѣста одной изъ злѣйшихъ страстей—сребролюбію. Во 2) инокъ ставится въ такую рамку жизни, что онъ неизбежно вступаетъ въ борьбу и съ другими страстями и приобретаетъ духъ цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія и братской любви. Для сего требуется отъ него прежде всего отреченіе отъ своей собственной воли; своя воля тамъ какъ бы выброшена за монастырь, сказалъ одинъ монахъ. Киновіать отдаеть себя въ полное послушаніе своему отцу игумену, и надо удивляться, съ какимъ дѣтскимъ страхомъ и вмѣстѣ съ беззавѣтною преданностію относятся къ нему. Это вѣдь норма жизни для всѣхъ, безъ различія возраста и званія. Воля о. игумена для всѣхъ—воли Божія. Испушеній на своеволіе много въ общежитіи; за то, по словамъ одного старца, здѣсь въ годъ можно достигнуть такой высоты духовной жизни, до которой пустыннику не добиться пожалуй въ десять лѣтъ. У пустынника своя воля, а въ киновіи, на огнѣ испушеній, иноки другъ передъ другомъ какъ бы изощряють себя въ послушаніи и смиреніи. Затѣмъ все здѣсь по принципу—братія, въ полномъ смыслѣ этого слова. И тутъ лѣта и заслуги не имѣють значенія; кто чѣмъ скромнѣе и привѣтливѣе, тотъ тѣмъ большимъ уваженіемъ пользуется. Всякій паломникъ, пожившій между ними, могъ видѣть примѣры этого евангельскаго братства. У насъ, по наряду о. игумена, были путеводители по Аѳону: въ одно путешествіе іеромонахъ, въ другое—іеродіаконъ (съ лучшимъ знаніемъ греческаго языка), и они оба, не жалѣя себя, по скаламъ и трупобамъ были съ нами и служили со всею готовностію, какъ простые монахи.—Таковъ инокъ въ общежитіи обязательно. Поэтому неудивительно, если здѣсь чаще, нежели при другихъ условіяхъ, вырабатываются такіе сильные характеры, какъ молчальники, или иначе бичующіе самихъ себя. Лично я встрѣтилъ одного грека—монаха лѣтъ 40—45; у него должна быть по природѣ роскошная густая коса, но что изъ нея стало? Вся коса свалылась и толстою плот-

ною кошмою висить на спинѣ его. Можно себѣ представить, что онъ терпитъ. По правиламъ общежитія живутъ, между прочимъ, наши все три обители: два скита—*русскій Андреевскій* (во имя св. апостола Андрея Первозваннаго) и *малороссійскій Ильинскій* (во имя св. Пр. Иліи), и также извѣстный монастырь—*Пантелеимоновскій*. Замѣчательно, и другія славянскія обители—общежительныя, а у грековъ большая часть *идіоритмы*, т. е. штатные монастыри, гдѣ порядки иные. Въ этихъ монастыряхъ иноки имѣютъ свою волю, и братства киновійскаго не полагаются. Тутъ, какъ въ причтѣ приходской церкви, каждый получаетъ отъ монастыря опредѣленное содержаніе, по своему положенію, и живетъ по своему благоусмотрѣнію: никто не вправе требовать отчета въ его келейномъ поведеніи. Потому нѣтъ у нихъ ни общей трапезы, ни обязательныхъ правилъ относительно пищи, одежды, молитвенныхъ и прочихъ подвиговъ. Для управления монастыремъ избираются епитропы (повѣренные), а возникающіе споры и непріятности рѣшаются соборомъ старцевъ. Греки, мнѣ думается, склонны къ такимъ порядкамъ по своему національному характеру; не легко мирятся они съ правилами общежитія, которыя славянину по душѣ. Какъ они пользуются своею свободою, это дѣло ихъ совѣсти, но всегда были и теперь есть дивные подвижники и между ними, какъ ни трудны эти подвиги на свободѣ.

Въ штатныхъ монастыряхъ иноки, при удобныхъ условіяхъ, наприм. мастеровые, могутъ приобретать свои достаточныя средства. Это даетъ иногда возможность жить особнякомъ, своимъ хозяйствомъ. Тогда онъ выпрашиваетъ или покупаетъ у монастыря уголокъ земли, непременно близь воды, и тутъ въ прелестной глуши устраиваетъ домъ съ келіями и даже церковь свою, приглашаетъ къ себѣ другихъ въ подручныя на какихъ либо условіяхъ, и живутъ они своимъ міркомъ. У нихъ непременно возникаютъ свои виноградники, маслины, огородныя овощи и прочее хозяйство. Такихъ *келій* на св. горѣ цѣлыя сотни.

Есть и одиночныя келіи *сиромаци*, т. е. бѣдняки. Сиро-

махъ, съ благословенія духовника и старцевъ своихъ, гдѣ нибудь въ лѣсу или горѣ выкопаетъ келію и въ ней обрекаетъ себя на голодъ и всякія лишенія. Онъ питается подаваемъ, овощами, какія производитъ у себя, а въ крайности идетъ въ монастырь выпрашивать или зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба.

Изъ келіотовъ есть совершенные *пустынники*, которые вдвоемъ или троемъ находятъ себѣ мѣсто въ недоступныхъ скалахъ, трупобахъ; тутъ выдѣлываютъ келіи на подобіе норъ, или съ нѣкоторыми удобствами, и живутъ своимъ рукодѣльемъ или чѣмъ Богъ пошлетъ. Это *корули*. Отшельники устраиваютъ свои келіи такъ, чтобы мірскіе люди и праздные иноки не проникали къ нимъ и не мѣшали созерцательной ихъ жизни.

Тутъ немного я знакомлю съ бытомъ афонитовъ, не говорю и того, что все они—ангелы Божіи, но и это немного даетъ понять, что Афонъ—такой уголокъ въ мірѣ, которому нѣтъ подобнаго. Если взять еще во вниманіе природу, богатую маслинами, кедромъ, ливаномъ, кипарисомъ, исполинскимъ платаномъ, лавромъ и другими прелестными ея дарами, которыми покрытъ весь полуостровъ, кромѣ нѣсколькихъ вершинъ, да еще посмотрѣть на обители и келіи, которые—какъ звѣздочки свѣтятся по горамъ и лѣсамъ, на множество Божіихъ храмовъ, гдѣ во дни и ночи славится Творецъ и Спаситель, дивный во Святыхъ Своихъ, тогда нашъ мірекой міръ забывается, или представляется бѣднымъ, мятежнымъ и жалкимъ въ своей суетѣ и скорбяхъ. Здѣсь на Афонѣ, мы будто, видимъ небо на землѣ. Такое впечатленіе получилось мною въ общемъ, когда мы совершили путешествія по св. горѣ, а въ частности, что могъ замѣтить, объ этомъ напишу въ слѣдующій разъ.

Типъ современнаго «батюшки» по изображенію свѣтской прессы.

Много нападокъ—и заслуженныхъ, а порой и незаслуженныхъ—сыплется со всѣхъ сторонъ на бѣдное духовенство. И лѣнливо-то оно, и бездарно, и ни къ чему серьезному, кромѣ требо-